

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

В ВОСПОМИНАНИЯХ
СОВРЕМЕННОКОВ

ТОМ ВТОРОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА •
1964

на его настроение. Все это возвышало меня в собственных глазах.

Я перестала бояться «известного писателя» и говорила с ним свободно и откровенно, как с дядей или старым другом. Я расспрашивала Федора Михайловича о разных событиях его жизни, и он охотно удовлетворял мое любопытство. Рассказывал подробно о своем восьмимесячном заключении в Петропавловской крепости, о том, как переговаривался через стену стуками с другими заключенными. Говорил о своей жизни в каторге, о преступниках, одновременно с ним отбывавших свое наказание. Вспоминал о загранице, о своих путешествиях и встречах; о московских родных⁹, которых очень любил. Сообщил мне как-то, что был женат¹⁰, что жена его умерла три года тому назад, и показал ее портрет. Он мне не понравился: покойная Достоевская, по его словам, снималась тяжело больной, за год до смерти, и имела страшный, почти мертвый вид. <...> Часто жаловался Федор Михайлович и на свои долги, безденежье и тяжелое материальное положение. В дальнейшем мне пришлось даже быть свидетельницей его денежных затруднений*.

Все рассказы Федора Михайловича носили такой грустный характер, что как-то раз я не выдержала и спросила:

— Зачем, Федор Михайлович, вы вспоминаете только об одних несчастьях? Расскажите лучше, как вы были счастливы.

* Как-то раз, придя заниматься, я заметила исчезновение одной из прелестных китайских ваз, подаренных Федору Михайловичу его сибирскими друзьями. Я спросила: «Неужели разбили вазу?» — «Нет, не разбили», — ответил Федор Михайлович, — а отнесли в заклад. Экстренно понадобились двадцать пять рублей, и пришлось вазу заложить». Дня через три та же участь постигла и другую вазу.

В другой раз, кончив стенографировать и проходя через столовую, я заметила на накрытом для обеда столе у прибора деревянную ложку и сказала, смеясь, провожавшему меня Федору Михайловичу: «А я знаю, что вы сегодня будете есть гречневую кашу». — «Из чего вы это заключаете?» — «Да глядя на ложку. Ведь, говорят, гречневую кашу всего вкуснее есть деревянной ложкой». — «Ну и ошиблись: понадобились деньги, я и послал заложить серебряные. Но за разрозненную дюжину дают гораздо меньше, чем за полную, пришлось отдать и мою».

К своим денежным затруднениям Федор Михайлович всегда относился чрезвычайно добродушно. (Прим. А. Г. Достоевской.)

Федор Михайлович охотно вспоминал о своем счастливом, безмятежном детстве и с горячим чувством говорил о матери. Он особенно любил старшего брата Мишу и старшую сестру Вареньку. Младшие братья и сестры не оставили в нем сильного впечатления. Я расспрашивала Федора Михайловича о его увлечениях, и мне показалось странным, что, судя по его воспоминаниям, у него в молодости не было серьезной горячей любви к какой-нибудь женщине. Объясняю это тем, что он слишком рано начал жить умственной жизнью. Творчество всецело поглотило его, а потому личная жизнь отошла на второй план. Затем он всеми помыслами ушел в политическую историю, за которую так жестоко поплатился.

Я пробовала расспрашивать его об умершей жене, но он не любил о ней вспоминать. Любопытно, что и в дальнейшей нашей супружеской жизни Федор Михайлович никогда не говорил о Марии Дмитриевне, за исключением одного случая в Женеве, о котором расскажу в свое время.

Несравненно охотнее вспоминал он о своей невесте, А. В. Корвин-Круковской. На мой вопрос — почему разошлась их свадьба, Федор Михайлович отвечал:

— Анна Васильевна — одна из лучших женщин, встреченных мною в жизни. Она чрезвычайно умна, развита, литературно образованна, и у нее прекрасное, доброе сердце. Это девушка высоких нравственных качеств; но ее убеждения диаметрально противоположны моим, и уступить их она не может, — слишком уж она прямолинейна. Наверяд ли поэтому наш брак мог быть счастливым. Я вернул ей данное слово и от всей души желаю, чтобы она встретила человека одних с ней идей и была бы с ним счастлива!¹⁵

Федор Михайлович всю остальную жизнь сохранял самые добрые отношения с Анной Васильевной и считал ее своим верным другом. <...>

XV

В чаду новых радостных впечатлений мы с Федором Михайловичем как-то позабыли о работе над окончанием «Преступления и наказания», а между тем оставалось написать всю третью часть романа¹⁶. Федор Михайлович

Пароход, на котором нам пришлось ехать, был грузовой, и пассажиров на нашем конце было мало. День был теплый, но пасмурный, под стать нашему настроению. Под влиянием прощания с могилкой Сонечки Федор Михайлович был чрезвычайно растроган и потрясен, и тут, в первый раз в жизни (он редко роптал), я услышала его горькие жалобы на судьбу, всю жизнь его преследовавшую. Вспоминая, он мне рассказал про свою печальную одинокую юность после смерти нежно им любимой матери, вспоминал насмешки товарищей по литературному поприщу, сначала признавших его талант, а затем жестоко его обидевших. Вспоминал про каторгу и о том, сколько он выстрадал за четыре года пребывания в ней. Говорил о своих мечтах найти в браке своем с Марьей Дмитриевной столь желанное семейное счастье, которое, увы, не осуществилось: детей от Марии Дмитриевны он не имел, а ее «странный, мнительный и болезненно-фантастический характер»* был причиной того, что он был с нею очень несчастлив. И вот теперь, когда это «великое и единственное человеческое счастье — иметь родное дитя»** посетило его и он имел возможность сознать и оценить это счастье, злая судьба не пощадила его и отняла от него столь дорогое ему существо! Никогда ни прежде, ни потом не пересказывал он с такими мелкими, а иногда трогательными подробностями те горькие обиды, которые ему пришлось вынести в своей жизни от близких и дорогих ему людей.

Я пыталась его утешать, умоляла его принять с покорностью ниспосланное нам испытание, но, очевидно, сердце его было полно скорби, и ему необходимо было облегчить его хотя бы жалобой на преследовавшую его всю жизнь судьбу. Я от всего сердца сочувствовала моему несчастному мужу и плакала с ним над столь печально сложившеюся для него жизнью. Наше общее глубокое горе и душевная беседа, в которой для меня раскрылись все тайники его наболевшей души, как бы еще теснее соединили нас.

* Этими же словами Федор Михайлович определил характер своей первой жены в письме к бар. А. Е. Врангелю от 31 марта 1865 года. «Биография и письма». Материалы, стр. 278. (Прим, А. Г. Достоевской.)

** «Биография и письма». Материалы, стр. 288. (Прим, А. Г. Достоевской.)

— И с идеалом? — оживленно переспросил Федор Михайлович. — С каким же, например, идеалом? Ну, расскажите же мне!

И потому ли, что я все еще была под впечатлением «идейного» спора с Демертом и на душе у меня накопело, или голос его, тихий и ласковый, подействовал на меня, — я, не смущаясь, ответила ему горячим и смелым признанием. Я говорила ему о моих мечтах и надеждах, об усилиях создать самостоятельно любимую деятельность, добиться заветной цели, — и о том, что женщине это особенно трудно...

И вероятно, он поверил моим словам, потому что слушал все время не прерывая и в свою очередь поразил меня неожиданным признанием:

— А знаете, какой я вам сейчас скажу комплимент? Уж наверное вы такого ни от кого не слышали. — И, помолчав, он прибавил: — Вы мне чрезвычайно напоминаете мою первую жену. Я ведь женат вторично, и от второй жены у меня уже двое детей. А впервые я женился еще в Сибири. И первая жена — вы и лицом и фигурой удивительно на нее похожи, — она, бедная, умерла от чахотки.

(Об этом сходстве он уже говорил при мне как-то Страхову: «Не правда ли, она ужасно похожа на Марью Дмитриевну?» Я не поняла тогда, кто это Марья Дмитриевна, но и Страхов тогда подтвердил: «Да, пожалуй... несколько напоминает».)

— Комплимент вам тут, конечно, не потому, что это была жена моя, — продолжал Федор Михайлович, — что же это за комплимент! — а потому, что была это женщина души самой возвышенной и восторженной. Сгорала, можно сказать, в огне этой восторженности, в стремлении к идеалу. Идеалистка была в полном смысле слова — да! — и чиста, и наивна притом была совсем как ребенок. Хотя, когда я женился на ней, у нее был уже сын. Я женился уже на вдове. Ну, что же, довольны вы моим комплиментом? — закончил он тоном шутки.

— Очень довольна, Федор Михайлович, только боюсь...

— Чего вы боитесь?

— Что вы во мне ошибаетесь, и я недостойна такого сравнения. Я не всегда такая.

— А вы будьте *всегда*, — внушительно, строго сказал он. — Стремитесь всегда к самому высшему идеалу!